

Секция «История социально-политических учений зарубежных стран»

Джон Рескин о войне и мире

Рогова Анастасия Валентиновна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет
политологии, Москва, Россия
E-mail: cenceil1@yandex.ru

На первый взгляд кажется, что профессии воина и художника не совместимы, но Джон Рескин, выдающийся мыслитель викторианской эпохи, находил в них много общего.

По его мнению, зачатки всех искусств и наук были заложены великими воинственными нациями, которые с презрением относились к мирной жизни пастухов. В Греции не было касты воинов как таковой, каждый гражданин исполнял воинские обязанности. Именно поэтому страна достигла небывалого уровня развития искусства.

Кроме войны для процветания искусства необходим народный гений или художественный инстинкт. «Никакой дар рисования не сделает из человека художника, если у него нет военного дарования, и, наоборот, даже при самом воинственном характере нельзя стать художником, не обладая на то талантом»[1], - писал мыслитель. Именно поэтому пришедшая на смену грекам римская нация воинов не создала великого искусства, так как ее граждане не были художниками по натуре. Рескин уверяет, что римляне в душе ближе к фермерам, чем к воинам, хоть внешне трудно представить более воодушевленную войной нацию.

Искусства, увядшие в руках римлян, ожили только тогда, когда вместе с готическим рыцарством в душе европейцев пробудилось восторженное стремление к «войне ради войны». По мнению Рескина, искусство достигло кульминационного пункта своей славы в долинах Ломбардии и Тосканы, где трудно найти место, которое не было бы обогрето кровью. Короли вели свои воинственные народы на битвы во имя победы, что вселяло в сердца людей жажду творчества и наполняло души наивысшим вдохновением.

Однако, по мере того, как мир стал распространяться по Европе, искусства стали все более увядать. Они достигли безмерной пышности, но одновременно лишились жизненности: «Искусства становятся предметом роскоши и окончательно чахнут у народов вполне мирных»[2].

Рескин опровергает общепринятую точку зрения, что мир и доблести гражданской жизни идут рука об руку. Мир может порождать лишь пороки гражданской жизни, он соединяется только с чувственностью, себялюбием и смертью. Британский мыслитель полагал, что все великие нации почерпали в войне правдивость слов и силу мысли, они были вскормлены войной, научены ею. Мир же истощил и обманул их. «Рожденные от войны и погибшие в мире»[3] - так окрестил Рескин самые плодотворные в культуре и искусствах нации.

Однако не все войны или, как называл их британский мыслитель, «драконовы зубы»[4] можно считать благородными. Не все они несут в себе нужный заряд для возникновения и процветания искусств. В яростных набегах, цель которых только опустошение и грабеж, в бессмысленных и братоубийственных состязаниях тщеславных наций за расширение своего могущества люди перестают быть величественными и одухотворенными. Они превращаются в диких зверей. Такие формы войн порождают не расцвет искусств, а только могилы.

Тип войны, который Рескин называет «зиждательной» или «творческой»[5], обладает совершенно иным характером. Естественная неутомимость и любовь к соперничеству

между людьми в таких схватках проявляется в дисциплинированной и прекрасной, хоть и, возможно, роковой игре: «Естественное властолюбие дисциплинируется и обращается в наступательную борьбу с окружающим злом, естественные инстинкты самозащиты освящены благородством учреждений и чистотой семей, которые защищают воины»[6]. По глубокому убеждению Рескина, для такой войны рождены все люди, только в такой борьбе они могут умереть счастливо. Именно из таких войн возникали все высшие святости и добродетели человечества.

Но если истинное искусство возможно только в условиях войны или приготвлении к ней и только у воинствующих духом наций, то нужно ли оно вообще? «Радость мира и спокойная домашняя жизнь не стоят ли больше всех безделушек из гипса, стекла и металла, всех даже самых гениальных живописных холстов?»[7] - задается вопросом Рескин. Действительно, сами по себе произведения искусства не имеют никакого значения. Однако их значение огромно в выражении высшего состояния человеческого духа: «Все шедевры мира творчества ничтожны как результаты, но бесценны как предзнаменования»[8]. Там, где человеческие способности достигают полноты развития, они неизбежно проявляются в искусстве. Таким образом, война есть основа всех искусств, а значит, она основа всех возвышенных добродетелей и способностей людей.

[1] Ruskin, J. The crown of wild olive. Four lectures on work, traffic, war and the future of England // The Complete Works of John Ruskin: Vol. XIII. - N.Y.: The Kelmscott Society Publishers, 1900. - P. 66.

[2] Ruskin, J. ОР.СIT., P. 67.

[3] Ruskin, J. ОР.СIT., P. 67.

[4] Ruskin, J. ОР.СIT., P. 69.

[5] Ruskin, J. ОР.СIT., P. 70.

[6] Ruskin, J. ОР.СIT., P. 71.

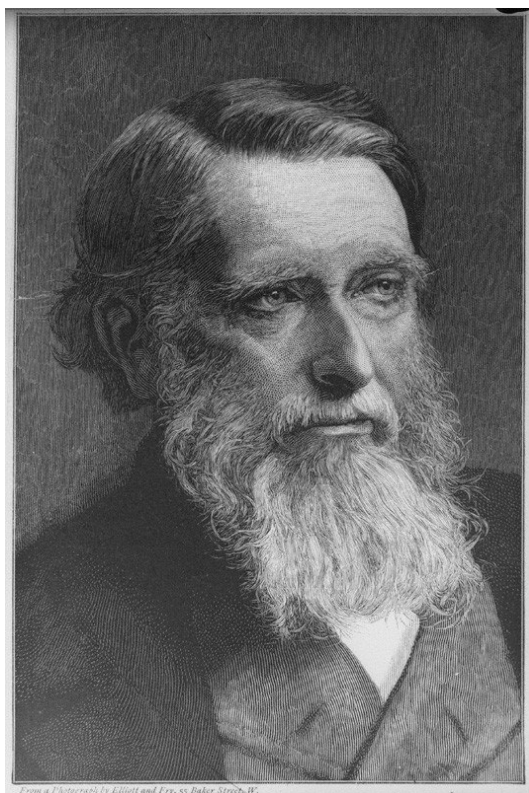
[7] Ruskin, J. ОР.СIT., P. 67.

[8] Ruskin, J. ОР.СIT., P. 69.

Источники и литература

- 1) Ruskin, J. The crown of wild olive. Four lectures on work, traffic, war and the future of England // The Complete Works of John Ruskin: Vol. XIII. – N.Y.: The Kelmscott Society Publishers, 1900.

Иллюстрации

Рис. 1. Джон Рескин